

38. Хини Шеймас: Биографическая справка // Лит. энцикл. словарь / Под общ. ред. В. Коженикова и П. Николаева. - М.: Сов. энцикл., 1987. - С. 730.
39. Саруханян А. Поэзия древняя и современная // Поэзия Ирландия. - М.: Худож. лит., 1988. - С. 5, 18-19.
40. Гениева Е. Комментарии // Там же. - С. 467-469.
41. Саруханян А. Проблема традиции в современной ирландской поэзии // Диапазон. - 1991. - № 1. - С. 47-48, 50.
42. Саруханян А. «Я родился на стыке разных приходов...»: Шеймас Хини – поэт и критик // Диапазон. - 1991. - № 1. - С. 50-53.
43. Кружков Г. От переводчика // ИЛ. - 1991. - № 4. - С. 43-44.
44. Шеймас Хини: Биографическая справка // Там же. - С. 254.
45. Кружков Г. Безрыбье нынешней английской поэзии // Лит. обозрение. - 1991. - № 10. - С. 50.
46. Саруханян А. «Объятия судьбы»: прошлое и настоящее ирландской литературы. - М.: Наследие, 1994. - С. 74-93. - См. также указ. имен.
47. Дин Ш. Век ирландской литературы / Пер. с англ. О.В. // ИЛ. - 1995. - № 2. - С. 250.
48. Ирландия впереди! // Независимая газ. - 1995. - 6 окт. - С. 1.
49. Борисов Ю. Нобелевская премия по литературе за 1995 год присуждена ирландцу Шеймасу Хини // Сегодня. - 1995. - 6 окт. - С. 1: портр.
50. Зубко М. Новый нобелевский лауреат сверял часы с жизнью Мандельштама // Известия. - 1995. - 7 окт. - С. 3: портр.
51. Нобелевская премия по литературе // Коммерсантъ-Daily. - 1995. - 7 окт. - С. 12: портр.
52. Богатырева М. «Не ослепляя яркостью гирлянд...» // Новое время. - 1995. - № 4. - С. 42: портр.
53. Озеров М. Писатель без границ // Лит. газ. - 1995. - № 4. - 11 окт. - С. 9: портр.
54. Шаймес Хини все же узнали, что стал лауреатом // Коммерсантъ-Daily. - 1995. - 14 окт. - С. 12.
55. Мокроусов А. На франкфуртской ярмарке по-прежнему есть книги... // Огонек. - 1995. - № 43. - С. 70-71.
56. Нобелевские премии 1995 // Огонек. - 1995. - № 43. - С. 82-83: портр.
57. Хини. Штрихи к портрету // Эхо планеты. - 1995. - № 43. - 21-27 окт. - С. 28: портр.
58. Моисеев Я. Фантазии на тему Нобеля // Муз. жизнь. - 1995. - № 10-11. - С. 51.
59. Альфред Нобель: человек и его премия // Репетитор. - 1995. - № 3. - С. 4.
60. Золотцев С. «Орфей Зеленого Острова» // Лит. Россия. - 1995. - № 49. - В дек. - С. 10.
61. Лауреаты Нобелевской премии 1995 г.: Фото // Моск. новости. - 1995. - № 85. - 10-17 дек. - С. 26: портр.
62. Озеров М. Кто они, «англичане года?» // Лит. газ. - 1995. - № 52. - 27 дек. - С. 9.
63. Ковалева А. Нобелевские страдания-95 у них и у нас // Моск. комсомолец. - 1996. - 4 янв. - С. 4: портр.
64. Seamus Heaney: нобелевский поэт // Учитель. газ. - 1996. - № 2. - 10 янв. - С. 22: портр.
65. Николаевская А. «И заканчивать – значит начать...»: Круглый стол «ЛГ» - о

пробл. соврем. англ. лит. // Лит. газ. - № 5. - 31 янв. - С. 7.

66. Панорама // Семья и школа. - 1996. - № 2. - С. 51: портр.
67. Берг М. Усталый гений // Лит. газ. - 1996. - № 9. - 28 февр. - С. 5.
68. Он начал свое путешествие по просторам Вселенной // Коммерсантъ-Daily. - 1996. - 19 марта. - С. 13.
69. У книжной витрины // ИЛ. - 1996. - № 6. - С. 282.
70. Шеймас Хини: Биографическая справка // ИЛ. - 1996. - № 6. - С. 287.
71. Иванов С. Библиотека имени лауреата Нобелевской премии // КО. - 1996. - № 24. - 19 июня. - С. 2.
72. Иванов С. Ирландские флаги во Франкфурте // КО. - 1996. - № 25. - 18 июня. - С. 3.

ВКЛАД АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА В ПСИХОЛОГИЮ, ПСИХИАТРИЮ, ПСИХОТЕРАПИЮ И ЛЕПРОЛОГИЮ

А.И.Вернер (Гомель, Беларусь)

Как уже отмечалось ранее в обширной комментаторской литературе, суть швейцеровского принципа – признание и утверждение высочайшего смысла жизни. Жизнь согласно Швейцеру, как самое сокровенное из того, что создала Природа, требует к себе великого уважения. Это требование охватывает любую жизнь, независимо от уровня ее развития. Я думаю, что речь здесь идет не о формальной деонтологии, это по сути прочувствование деонтологии и этики врачей, сестер, больных, их родственников, всего общества в целом, Социума.

Первичность факта жизни, ее уникальность в любых формах проявления – вот что, по мнению Швейцера, следует принимать во внимание при разработке норм нравственных отношений. Споря с известным высказыванием Р.Декарта («Мысль, следовательно, существую»), А.Швейцер противопоставляет картезианской свою формулу: «Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить», - таким образом, человек – не изолированный от других элемент общества. Его соединяют с другими людьми многообразные связи. Человек приходит в мир, который был создан до него трудом его предков. Приходящий в мир как бы принимает эстафету дел и традиций людей, живших до него. Он сам несет эту эстафету и передаст ее потомкам.

Мне кажется, что это является глубинной философской проработкой, основой западной психотерапии и психологии, хотя, возможно, их развитие шло параллельными путями, обогащая друг друга. Что же касается заслуг русской психотерапевтической школы, то здесь необходимо упомянуть цикл

работ проф. А.А.Бодалева (психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) новейшего времени «Понимание человека человеком». Раскрытие механизма этих связей, терапия, или коррекция их в случае нарушения составляет одну из важнейших сторон психоанализа З.Фрейда и его школы, а также других психоаналитических технологий, разрабатываемых учениками и последователями З.Фрейда, в частности «пациент-центрированную терапию» С.Р.Рогерс (Client-Centered Therapy.- Boston, 1951) – эмпатическая психотерапия. Эмпатия (от греческого - *empathia* - сопереживание) – способность личности понимания переживания другой личности и сопереживать их в процессе межличностных отношений. Основатель метода говорил, что основными составляющими должны быть акцептация (безусловное положительное принятие пациента) и аутентичность (искренность), в какой-то степени даже самокритическая «обнаженность» врача, самораскрытие в каждой лечебной ситуации. Для А.Швейцера в трудные минуты жизни духовными наставниками были – ОТЕЦ, ИИСУС, БАХ, ГЕТЕ.

Вот что он пишет в одной из своих работ: «Многое из того, чего я бы никогда не прочувствовал с такой ясностью и никогда бы не сделал, я сделал и прочувствовал только оттого, что находился под влиянием этих людей. И потому я твердо убежден, что в смысле духовном все мы живы тем, что другие дали нам в решительные часы жизни... Многими чертами характера, которые уже стали нашими собственными, нежностью, добротой, скромностью, готовностью прощать, верностью или самоотречением, мы обязаны людям, которые продемонстрировали нам в действии эти добродетели, порою в великом, а порою и в малом. Мысль, которая стала делом, запала в нас, как искорка, и разожгла новое пламя... Взрастайте в ваши идеалы, так чтобы жизнь никогда не смогла отнять их у вас. Если бы вес мы могли стать тем, кем были в четырнадцать, как изменился бы мир».

Интересно соотнести современные правила эмпатической психотерапии в трактовке С.Р.Рогерс: принятие пациента таким, каков он есть; одобрение возможности пациента свободно выражать свои чувства, включая негативные; установление теплых и дружеских отношений, но без фамильярности; признание за пациентом способности самостоятельно справиться со своими проблемами; препятствование искусственному ускорению хода лечения, несмотря на требования пациента.

Что же утром в больнице в Ламбарене мы могли услышать. Один из помощников А.Швейцера объявлял правила поведения больных. Здесь нет и тона менторства.

1. Вблизи дома доктора плевать запрещается.
2. Ожидаящим приема не разрешается громко между собой разговаривать.
3. Больные и сопровождающие их лица должны приносить с собой запас

еды на целый день, потому что доктор не может принять всех утром.

4. Тот, кто без разрешения доктора проводит на пункте ночь, не будет получать лекарств.

5. Флаконы и жестяные коробочки из-под лекарств надо возвращать обратно.

6. Когда в середине месяца пароход уходит вверх по течению, не следует беспокоить доктора, кроме как в неотложных случаях, до тех пор, пока пароход не вернется. В эти дни он пишет в Европу, чтобы получить оттуда хорошие лекарства.

Действенный характер этического принципа «Человек-человеку» сказывается, прежде всего, в том, что он побуждает индивида ощутить себя активной частью целого, побуждает переживать не только свою собственную боль и радость, но и боль других как свою собственную. Конечно, Швейцер сталкивался с яростным неприятием членов другого племени, другого клана, другого языка - однако болезнь нивелировала, хотя и очень трудно, эти разногласия.

Говоря о непосредственном вкладе Швейцера в психиатрическое и психотерапевтическое наследие, необходимо остановиться на следующем. Докторская диссертация по медицине была посвящена психиатрической оценке личности Иисуса: *Die psychiatrische Beurteilung Jesu. Darstellung und Kritik. Tubingen, 1913.* Тема, избранная соискателем, была весьма любопытна, она завершала его предыдущие исследования: *Das Messianitats- und Leidensgeheimnis. Eine Skizze des Lebend Jesu. Tubingen, 1901; Das Abendmahlsproblem auf Grund der wissenschaftlichen Forschung des neunzehnten Jahrhunderts und der historischen Berichte. Tubingen, 1091; Von Reinarus zu Wrede. Geschichte der Leben-Jesu-Forschung. Tubingen, 1906, 1913.* К тому времени уже были опубликованы работы психиатров де Лоостена, Уильяма Хирша и Бине-Сангле, которые находили у Христа признаки параноического расстройства – манию величия, манию преследования. Биографы и критики единодушно отмечали один из важнейших принципов, положенных Швейцером в основу своего исследования – постоянное противопоставление научных исторических данных и субъективных утверждений веры. Нет, он не пошел на поводу у своих предшественников. Да, Иисус отличался высоким мнением о своей персоне, возможно, он галлюцинировал при крещении; все это так, но этих признаков еще недостаточно, чтобы говорить о наличии душевного заболевания. Мессиянские предчувствия Христа он связывает не с психическим расстройством, не с системой позднеиудейских воззрений ожидания конца света и последующего явления внезапного царства, а «наполнением их своей этической религией любви». Нравственный императив Канта, этическая религия любви Христа – достаточные идеи для создания совершенной личности. Диссертация была одобрена медицинским факультетом, но в богослов-

ких кругах одобрения не вызвала. Сам выбор темы был сочтен непристойной дерзостью.

Необходимо сказать, что Швейцера волновали проблемы гуманизации психиатрии, и в этом плане, конечно, он сторонник идеи «нестеснения». Французская литература 18-19 вв. достаточно богата разработкой этих проблем. Знаменитый Филипп Пинель (1745-1826) установил сначала в Биссе (Париж), а затем в Сальпетриер (Париж) лечебный режим, освободив больных от цепей, организовал лечебно-трудовые процессы, прогулки для больных. В 1789 г. вышла его статья «Наблюдения над психическим режимом, наиболее целесообразным при лечении маниакальных больных». Практически одновременно с ним работал Жан Этьен-Доминик Эскироль (1772-1840), он является автором «Закона о гуманистическом отношении к душевнобольным» (1838 г.). Идеи французских психиатров нашли отклик и в Англии в лице Джона Конолли (1794-1866), который выдвинул принцип «насилие равнозначно небрежности», а в 1859 г. издал книгу «Лечение душевнобольных без механических стеснений».

Я думаю, что А.Швейцер, без сомнения, знал об этих работах, и его практическая деятельность являлась ярким продолжением предшественников. Приведу следующий отрывок из книги «Между водой и девственным лесом. IV. От июля 1913 до января 1914»: «Мое первое столкновение с психически больными-неграми произошло ночью. Меня вызвали из дома, и повели к пальме, к которой была привязана пожилая женщина. Перед ней у костра сидела вся ее семья. Позади темной стеною высился девственный лес. Была удивительная африканская ночь. Сцена эта озарялась сверкающим звездным небом. Я велел развязать веревки. Приказание мое было выполнено нерешительно и с опаской. Как только женщину отвязали, она кинулась на меня,

бросились врассыпную, не отваживаясь больше подойти ко мне, а меж тем женщина, которую я схватил за руку, послушавшись моих слов, спокойно легла на землю, позволила сделать себе вливание морфия и скополамина, а потом пошла за мной в хижину, где вскоре спокойно уснула. Это был приступ периодически повторяющегося маниакального возбуждения. Через две недели она поправилась, во всяком случае, на какое-то время. После этого распространился слух, что доктор - великий колдун и может вылечить любого душевнобольного».

Большие проблемы возникали и с бытующими и поныне многочисленными табу и фетишами, нарушение которых можно окончиться вполне реальной смертью. А.Швейцер пишет: «Европеец не в состоянии даже представить себе, сколь ужасной становится жизнь человека, когда день за днем проходит в страхе перед фетишем, который может быть обращен против него. Только тот, кто видел это жалкое существование вблизи, поймет, что наш

долг - научить примитивные народы по-новому смотреть на мир и избавить их от всех этих мучительных суеверий».

Закончу эту главу хочется отрывком из книги «Между водой и девственным лесом»: «Операция закончена. В полумраке стационара я наблюдаю за пробуждением моего пациента. Едва только он приходит в себя, как он в изумлении кричит, снова и снова повторяя: "У меня больше ничего не болит, у меня больше ничего не болит!" Рука его нащупывает мою и не отпускает ее. Тогда я говорю ему и тем, кто рядом, что это наш Господь попросил доктора и его жену приехать сюда, в Огове, и что наши белые друзья в Европе дали нам денег на то, чтобы жить здесь и лечить больных негров, после чего приходится отвечать на вопросы, кто эти белые друзья, где они живут, откуда они знают, что туземцы страдают от разных болезней. Сквозь ветви кофейного дерева в темную хижину заглядывают лучи африканского солнца. А в это время мы, негры и белые, сидим вместе и проникаемся значением слов "Все мы братья". О, если бы мои щедрые европейские друзья могли быть с нами в один из таких часов!..».

Мужество, готовность к самопожертвованию особенно ярко проявились у А.Швейцера и его помощников в борьбе с лепрой. В самом начале создания больницы он понял необходимость организации лепрозория для прокаженных. С каждым годом приходилось увеличивать количество коек для больных, число их в 50-е гг. нашего столетия было доведено до 200 – треть всего количества больных. Это была уже большая колония, а если учесть, что вокруг жили члены семьи и родственники прокаженных, не желавшие с ними расставаться, все это создавало особые трудности.

Читая записки Швейцера, видишь, сколь был малым спектр лечебной помощи больным в начале века. «Единственное средство против этой болезни, которым мы располагаем, - это так называемое хаульмогровое масло (*Oleum gipocardiac*), добываемое из семян дерева, произрастающего в глубине Индии». Швейцер с большим трудом приобретал его у миссионеров и стремился использовать по всем назначениям, предлагавшимся в то время. Он давал больным масло в смеси с кунжутным и арахисовым маслами, пытался вводить хаульмогровое масло внутривенно. Результаты не слишком ободряли Швейцера и его ассистентов, и скоро эта манипуляция была оставлена. Исследования гамбургского профессора Гимзы и его ассистента доктора Адольфа Кесслера, проведенные специально для Швейцера, принятые им с глубокой благодарностью, показали целесообразность подкожного введения хаульмогрового масла. Слово доктору медицины А.Швейцеру: «На основании полученным нами результатов мы лечим теперь проказу исключительно подкожными впрыскиваниями хаульмогрового масла. Делаются они гораздо быстрее, чем внутривенные вливания, и, так как они совершенно безопасны, их можно поручать лекарскому помощнику. Последнее время мы

поступаем следующим образом: четыре части хаульмогрового масла растворяем в пяти частях арахисового масла и смесь эту разогреваем. Потом раствор стерилизуется. Стерильность свою он сохраняет довольно долго. Пациент получает ежедневно от полутора до двух кубических сантиметров, вводимых подкожно. Вопрос о том, как будут переноситься более сильные дозы, пока еще находится в стадии исследования. Чересчур большие дозы хаульмогрового масла могут принести вред. Успех нашего метода лечения очень нас воодушевляет».

Швейцер, как следует из приведенного отрывка, поддерживал постоянную связь с крупными учеными Европы и постоянно с ними советовался. Научная этика не была целью его интересов, но другого отношения он, наверное, и не ожидал. Мне кажется, что современную корпоративность науки, Швейцер не принял бы ни на йоту. Послевоенные годы ознаменовались появлением высокоэффективных препаратов из группы сульфона, позволяющие успешно справляться с заразительной стадией болезни. Они тут же появлялись у Швейцера. И все же, даже при наличии современных лечебных средств, разработки комплексных методов лечения и наличия всего необходимого для успешности лечения, работа в лепрозории имеет свои особенности. Здесь, действительно, душа не должна дрогнуть перед опасностью заражения.

Швейцер и его сотрудники безбоязненно общались с прокаженными и привлекали их к трудовой деятельности, а это имело огромное влияние на психику прокаженных, вселяло в них веру в выздоровление. Конечно, Швейцер подспудно понимал всю опасность заражения: «Самое удивительное, - и нам приходится с этим считаться, - что проказа передается от человека к человеку, однако до сих пор не удалось узнать, как это происходит, и осуществить заражение в эксперименте». Все же он решил, что нет ничего важнее моральной помощи страдальцам-прокаженным. Применяя имеющиеся в его распоряжении лекарственные средства, добившись улучшения в состоянии здоровья больных и укрепления их сил, Швейцер привлекал их к активному участию в различных работах, особенно в строительстве больницы. В этой трудотерапии он видел двойную пользу для больных: укрепляя физические силы выздоравливающих, в то же время вселял в них осознание человеческой полноценности. Особенно влияло на душевное состояние прокаженных - пациентов Швейцера, что сам доктор рука об руку работал рядом с ними. Привлекая прокаженных к строительству, Швейцер учитывал еще один чисто психологический момент. Помещения, предназначенные для больничных отделений и для жилья отдельных семей, Швейцер проектировал по типу привычных для них африканских хижин. В этих легких, рассчитанных на особенности тропического климата, хижинах больные чувствовали себя, как дома. Особенную радость для них доставляло строительство отдельной коло-

нии, в которой некоторое время жили родные и близкие больных. Он писал: «Для детей, рождающихся от родителей-прокаженных, равно как и для зараженных проказой мальчиков и девочек, в деревне имеется специальная школа. Руководит ею один из прокаженных, обладающий для этого и способностями, и достаточными знаниями. Занятия в этой школе проходят на открытом воздухе в тени пальм и под пение птиц (Вот практическая реализация и торжество Вальфсдорской педагогики! - А.В.).»

Среди больных с тяжелыми формами проказы есть несколько таких, которые находятся у нас уже в течение трех лет. Все, что мы можем для них сделать, - это ежедневно перевязывать им раны, содержать их в более или менее удовлетворительном состоянии, облегчать им страдания и обеспечивать их уходом и приличным питанием. Порою, мы бываем приятно поражены, видя, как в результате регулярного ухода у некоторых больных наблюдается улучшение, значительно превосходящее все то, что мы могли ожидать».

В довоенные годы Швейцер перешел на препараты алепол и антилепол, которые добывали из хаульмогрового масла, отмечаая их высокую значимость. В 50-е гг. появился английский препарат дифтериетоксид, применяемый в комбинации с хаульмогровым маслом, препаратами мышьяка и впрыскиваниями трипафлавина и метилен-блау. Большие надежды возлагал Швейцер и на исследования французских ученых по клинической фармакологии африканского растения *Hydrocotylus asiatica*.

В качестве гостей в Ламбарене бывали многие европейцы, некоторое время даже здесь работавшие. Побывал и японский специалист-пульмонолог и лепролог Минори Номура, который в свое время перевел на японский язык книгу «Между водой и девственным лесом» и который был старейшим другом Швейцера. В этот плане хотелось бы сказать следующее. Швейцер не призывал никого ехать врачами в Африку. Он отыскал свой путь, свой способ воплощения своих принципов. Тем не менее, пример Швейцера затронул многих. Прошло лишь несколько лет и уже в Индии Агнесса Гонджи Бояджиу, более известная как Мать Тереза, в Калькутте (Западная Бенгалия), основывает лепрозорий на 600(!) коек. Ее «работа, приносящая помощь страдающему человечеству» в 1979 г. была увенчана Нобелевской премией мира.

Подвиг А.Швейцера теперь общеизвестен, но он не стремился к мировой популярности. Он исповедовал Дело. Святость XX в. - это ежедневное мученичество. Жизнь и деятельность Швейцера - лучшее тому подтверждение. Готовность пожертвовать своим благом ради блага ближних, осознание социальной значимости дела исцеления страждущих - эти черты деятельности и характера Швейцера сближают его с русскими врачами-подвижниками Н.И.Пироговым, Ф.П.Гаазом, А.П.Чеховым. Каждый из них написал свои «Письма из Ламбарене». Трагедию Хиросимы 6 августа 1945 г. он пережил как личную. Всю ночь перед этим он боролся за жизнь матери и ребенка,

спас обоих (он производил кесарево сечение), и вдруг страшная весть! Знаменательные слова, сказанные им в тот день своей помощнице Матильде Коттман: «Когда одной единственной бомбой убивают сто тысяч человек – моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна единственная человеческая жизнь!»

В 1954 г. А.Швейцера наградили Нобелевской премией мира. Этой наградой до А.Швейцера почтили врачей Анри Дюнана, Бойд-Орра, Фритьофа Нансена. Это выдающаяся Галерея. «Через Ясную Поляну пролег первый нравственный меридиан земного шара», – так говорил один из современников Л.Н.Толстого, которого очень почитал А.Швейцер. Они на одной широте, Ясная Поляна и Ламбарене.

В 1965 г., 4 сентября, Альберт Швейцер погиб на своем посту и был захоронен рядом с больницей.

Слияние душ

В дневниковых записях М.М.Пришвина мы можем прочитать: «Епископ Лука в Симферополе, хирург и профессор, сана не снимает, и никто его не трогает. Когда приходят больные, он спрашивает: "Православные? – И если да, говорит: Помолитесь!" И после этого начинает лечить» [1]. Такого же характера и Капица, и если не я сам, то мой двойник. Но есть другой характер советского человека: рассчитывать каждый шаг, каждое слово, как будто если только он ошибется, то его схватят невидимые руки. Спустя несколько лет другой литератор М.А.Поповский запишет: «В натуре Воино-Ясенецкого главное – жесткая избирательность его интересов. Его ум подобен лазеру – узкое световое лезвие, пронизывающее тьму, В зоне луча – накал страстей и идей доходит до величин астрономических» [2]. Владыко и будущий нобелевский лауреат по физике 1978 г. Петр Леонидович Капица не знали друг друга, но, по всей вероятности, чувствовали свою энергетику и влияние. Наверное, здесь есть и какой-то символ: ведь когда-то Архиепископ Лука работал в Тамбове.

Литература

1. Воспоминания о Михаиле Пришвине: Сб. - М.: Сов. писатель, 1991. - 368 с. (с.306-307).
2. Поповский М.А. Жизнь и житие Воино-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. - Париж: YMCA-Press, 1978. - 560 с.

Жизнь закручивает такие сюжеты, о которых даже самый талантливый романист не может и помыслить. Что могло связывать между собой немецко-французского философа Альберта Швейцера (1875-1965), американского физико-химика и биохимика Лайнуса Полинга (1901 - 1994), прусского физика-теоретика Андрея Сахарова (1921-1989)? Ведь Полинг родился, когда Швейцер уже окончил университет и защитил первую докторскую диссертацию, а Сахаров появился на свет, когда Швейцер готовился отметить свое пятидесятилетие. Но, несмотря на разницу в возрасте, на десятки тысяч миль, отделявших их друг от друга, и Швейцер, и Полинг, и Сахаров были взаимосвязаны пиететом перед именем и творчеством великого русского писателя Л.Н. Толстого. Швейцер посвятил Толстому две статьи, неоднократно ссылался на него в своих книгах и сожалел, что не осмелился, по примеру Р.Роллана, установить с ним письменную связь. Полинг интересовался тем, как повлиял на Швейцера нравственный и жизненный подвиг Л.Толстого, какие причины обусловили творческое долголетие писателя и мыслителя. В семью Сахаровых в конце прошлого века вошел известный пианист А.Б.Голденвейзер. Он был другом Л.Н.Толстого, автором интересных воспоминаний о писателе, а впоследствии стал крестным отцом будущего творца советской водородной бомбы. В детские годы А.Сахарова имя Толстого звучало постоянно.

В 50-х гг. А.Швейцер и Л.Полинг стояли у истоков знаменитого Пагуошского движения ученых в защиту мира, вели переписку и согласовывали свои действия. А.Д.Сахаров неоднократно подчеркивал, сколь большое влияние оказали на него Швейцер и Полинг, а в 1963 г., когда дипломаты готовили Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, именно Сахарову принадлежало решающее слово по устранению ряда возражений, имевших место со стороны советской делегации. И хотя закрытость трудов Сахарова в то время мешала сделать известным имя выдающегося ученого известным на Западе, его решающий вклад в подготовку этого исторического документа не может быть забыт.

Главное же, что объединяло этих необычайно талантливых и глубоко советских людей, их подвижническая деятельность во имя сохранения и упрочения мира на Земле. Вполне закономерно их заслуги на этом благороднейшем поприще в разное время были отмечены присуждением каждому Нобелевской премии мира. А.Швейцеру она была присуждена в 1953 г., Л.Полингу - в 1962, А.Д.Сахарову - в 1975 г. Они словно бы передавали друг другу эстафету высочайшей нравственной ответственности за будущее человечества.

Автору этих строк, родившемуся в 1931 г., судьба преподнесла счастливый дар: с Альбертом Швейцером и Лайнусом Полингом обменялся письмами. О